

Князь Николай Сергѣевичъ Трубецкой

(1890-1938).

20-го июня 1938 года умеръ въ Вѣнѣ въ возрастѣ 48-ми лѣтъ ординарный профессоръ славянской филологіи Вѣнскаго университета князь Николай Сергѣевичъ Трубецкой. До Вѣны Николай Сергѣевичъ читалъ въ Москвѣ, Ростовѣ и Софін; да вначалѣ изучную дѣятельность собственно какъ «вулдериндъ» (подобно другому геніальному русскому языковѣду, А. А. Шахматову), работая еще въ гимназін надъ вопросами русской этнографіи (вспоминаю разсказъ Трубецкого о томъ, какъ «обидѣлся» одинъ русский этнографъ, которому Николай Сергѣевичъ написалъ письмо научнаго содержания, который пришелъ поговорить съ авторомъ письма и засталъ... гимназиста, занимающагося съ репетиторомъ). Уже давно Трубецкой страдалъ какой-то, и спеціалістамъ не совсемъ понятной, сердечной болѣзью, вѣроятно «фамиліальной» (Трубецкой лицомъ поразительно напоминалъ и отца и дядю — профессоровъ Московскаго университета, Сергѣя и Евгенія Трубецкихъ), которая въ послѣдніе годы не разъ отрывала его отъ научной работы; послѣдніе мѣсяцы передъ смертью болѣзнь ухудшилась; на нѣсколько недѣль Трубецкой, правда, оставилъ клинику, но извѣстіе о его смерти не было ни для кого неожиданностью; и все-таки это извѣстіе произвело — вѣроятно, въ

довольно узкихъ кругахъ, но съ опредѣленностью можно сказать, во всемъ мірѣ — потрясающее впечатлѣніе, впечатлѣніе огромнаго удара мировой наукѣ.

Русская эмиграція врядъ ли была очень взволнована: конечно, знали о томъ, что Трубецкой — выдающийся ученый. Но въ общемъ, Трубецкой былъ притомъ нерѣдкаго въ Россіи соединенія значительность съ относительной незнакомостью. Николай Сергѣевичъ, конечно, былъ извѣстенъ русской эмиграціи. Но извѣстность его была такъ же «случайна», какъ и извѣстность его отца. Кн. Сергѣй Трубецкой былъ извѣстенъ всей Россіи какъ ректоръ Московскаго университета въ безпокойные и трагическіе мѣсяцы первой русской революціи; но мало кто зналъ и цѣнилъ его какъ глубокаго мыслителя и не менѣе глубокаго историка древней философіи (труды котораго не потеряли значенія и до нашего времени). Николай же Сергѣевичъ сталъ извѣстенъ широкимъ слоямъ русской публики, какъ одинъ изъ основателей «евразійства»; между тѣмъ «евразійство» Трубецкого типично для него, какъ выраженіе его оригинальнаго подхода къ каждому вопросу — и не такъ ужъ характерно для Трубецкого, какъ ученаго; русскіе круги, которымъ Николай Сергѣевичъ былъ извѣстенъ, какъ уче-

ный, были еще гораздо уже тѣхъ, которыми былъ извѣстенъ его отецъ. И это — несмотря на то, что Николай Сергѣевичъ работалъ надъ матеріаломъ, который долженъ былъ бы стоять въ центрѣ вниманія всякаго русскаго «въ разсѣиваніи»: надъ языкомъ и литературой. Мнѣ неизвѣстно ни одного популярнаго изложенія идей Трубецкого на русскомъ языкѣ. Между тѣмъ въ иностранной литературѣ такія популярныя изложенія есть, въ особенности въ славянскихъ литературахъ: не говоря уже о чешскихъ статьяхъ, даже по словацки, даже по украински идеи Трубецкого излагались для широкой публики.

Между тѣмъ, не было за послѣдніе годы конгресса по языковѣдѣнію, гдѣ докладъ Трубецкого (конечно, въ пленумомъ за сѣданіи!), а часто и нѣмкихъ представителей его «школы», не стоялъ бы въ центрѣ всеобщаго интереса. Библиографическіе обзоры литературы по языковѣдѣнію завели особый отдѣлъ для работъ школы Трубецкого. Недавно умершій французскій ученый, патриархъ европейскаго языковѣдѣнія, Мейе, называлъ Трубецкого значительнѣйшимъ языковѣдомъ современности. Въ Будапештѣ (венгры особенно восприимчивы ко всякимъ новымъ теченіямъ) есть даже специальная кафедра «фонологіи» (т. е. иными словами — ученія Н. С. Трубецкого!). Несомнѣнно, что значеніе Трубецкого въ исторіи русскоговѣрчя можно сравнить со значеніемъ Менделѣева. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что съ Трубецкого историкъ языковѣдѣнія будутъ начинать новый періодъ. Но для русскаго образованнаго человѣка Трубецкой неизвѣстный, хотя и крупный ученый.

Не знаю, можетъ ли русскій читатель составить себѣ представленіе о мѣстѣ Трубецкого въ исторіи науки по его русскимъ книгамъ (Европа и человѣчество, 1920; Къ проблемѣ русскаго самопознанія, 1927) или статьямъ (въ евразійскихъ изданіяхъ по преимуществу): тамъ есть немало намековъ на основные вопросы научнаго мировоззрѣнія Трубецкого. Но во всякомъ случаѣ, каждая статья и каждый докладъ Трубецкого по вопросамъ его специальности, каждый, хотя бы и самый краткій, разговоръ съ нимъ оставлялъ одно и то же впечатлѣніе: передъ вами гениальный ученый, который соединяетъ рѣдкій даръ научнаго обобщенія съ еще болѣе рѣдкимъ даромъ — видѣть каждый вопросъ съ совершенно необычной, новой точки зрѣнія. Не менѣе поразительна была его способность формальнаго овладѣнія матеріаломъ, въ частности языковымъ. Во всякомъ случаѣ изъ соединенія этихъ трехъ рѣдкихъ даровъ возникалъ тотъ незабываемый стиль работъ, докладовъ и разговоровъ Трубецкого, въ которомъ даже мимоходомъ высказанныя, «суховатыя», но до крайности точныя обобщенія сейчасъ же подтверждались длиннымъ рядомъ примѣровъ, въ бранныхъ изъ матеріала: поразительной широты: не только славянскіе языки были его специальностью, но и индоевропейскіе вообще, а кромѣ индоевропейскихъ — кавказскіе и угрофинскіе, при этомъ Трубецкой опирался и на діалектологию и на исторію каждаго языка. Трубецкой какъ то сказало въ разговорѣ со мною, можетъ быть въ шутку и сколько преувеличивая, что для установленія системы незнакомаго язы-

на ему достаточно недѣли, — если есть разумный описаніи языкового матеріала.

Именно въ разсмотрѣніи языка, какъ системы, состояла сущность «новой науки» Трубецкого, обоснованнаго имъ «функциональнаго» или «структуральнаго» языковѣдѣнія, первой частью котораго была не только обоснованная, но и подробно развитая имъ «фонология». Трубецкой примыкалъ къ традиціямъ трехъ крупныхъ русскихъ языковѣдцевъ: Ф. Фортунатова, И. Бодуэна де-Куртэна и — отчасти — А. А. Шахматова. Но, собственно говоря, у нихъ взялъ онъ только зачатки, намеки, имъ самимъ развитые въ стройное цѣлое. Языковѣдѣніе конца прошлаго вѣка было, несомнѣнно, грандіознымъ научнымъ зданіемъ — но зданіемъ построеннымъ — какъ позитивистическая наука вообще — изъ пристроекъ и клятушечекъ: языковѣдѣніе «младограмматиковъ» сосредотачивало все вниманіе на отдѣльных фактахъ и законмѣрностяхъ, на отдѣльных явленіяхъ, которыя и въ ихъ историческомъ развитіи изучались безъ связи другъ съ другомъ (напоминающая знаменитую позитивистическую исторію костюма, состоящую изъ исторіи пуговицъ, подвязокъ, туфель и т. д.). Основоу «структуральнаго языковѣдѣнія», идущаго на смѣну «младограмматическому» и являющегося теоріи Трубецкого. Трубецкой не только выдвинулъ новую основоположную точку зрѣнія, не только указалъ на то, что языкъ есть цѣлостная система, въ которой каждая отдѣльная часть можетъ быть понята только какъ часть цѣлаго, какъ элементъ системы, не толь-

ко указавъ на то, что и историческое изученіе языка должно исходить также изъ разсмотрѣнія языка какъ системы, но и показалъ на цѣломъ рядъ примѣровъ, какъ такое изученіе должно вестись и какіе — поразительные по новизнѣ и значительности — результаты при этомъ могутъ быть достигнуты. Въ специально имъ разработанной новой наукѣ, фонологии онъ пошелъ еще дальше, установивъ съ совершенною ясностью не только новый методъ изученія, но и самый предметъ изслѣдованія. Безнадежная путаница въ опредѣленіи задачъ изслѣдованія въ традиціонной фонетикѣ (что изучать: физиологическіе процессы — движенія органовъ рѣчи, физическіе процессы — звуковыя волны, психологическіе процессы — слышаніе) замѣнена послѣдней отчетливостью въ фонологии, изучающей тѣ «идеи», которыя за всѣми языковыми явлениями стоятъ, тѣ языковыя «идеологическія», которыя по разному осуществляются въ рѣчевыхъ процессахъ.

Если Трубецкой по новому ставитъ вопросъ о языковомъ фактѣ, то онъ не менѣе рѣшительно измѣняетъ и наше представленіе о языковой системѣ: въ языкѣ онъ видитъ за отдѣльными явлениями, такъ сказать, твердый скелетъ системы даннаго языка, скелетъ, изученіе котораго прежде всего является задачей языковѣдѣнія; изученіе этого «скелета» дѣлаетъ задачу языковѣда такою же опредѣленной, какъ задачу изслѣдованія анатома; ставится на новую почву и сравненіе языковъ, переходящее отъ сопоставленія отдѣльных фактовъ (часто случайныхъ мелочей) къ сравненію

языковых системъ, языковъ въ цѣломъ.

Конечно, здѣсь я не могу останавливаться на той исключительной по размаху реформѣ, которую произвелъ Трубецкой, исходя изъ своихъ предпосылокъ въ различныхъ областяхъ науки о языкѣ. Его теорія произвела огромное впечатлѣніе именно потому, что онъ подтвердилъ се конкретными примѣрами, говорящими уму специалистовъ въ самыхъ разнообразныхъ отвѣтственныхъ языкознаніи. Именно теоретическія соображенія помогли Трубецкому сдѣлать рядъ основоположныхъ открытій въ области славянскаго языковѣдѣнія: Трубецкой выяснилъ звуковую сторону двухъ мертвыхъ славянскихъ языковъ, древнецерковнославянскаго и польскаго (языкъ славянъ, жившихъ на Эльбѣ, вымершій въ 18 вѣкѣ); тѣ же теоретическія соображенія помогли ему дать стройную картину возникновенія славянскихъ языковъ, выяснивъ и связь отдельныхъ языковыхъ процессовъ между собою и ихъ послѣдовательность во времени. Цѣлый рядъ новыхъ вопросовъ былъ имъ рѣшенъ, освѣщенъ, или по крайней мѣрѣ поставленъ. Именно потому смерть Трубецкого ощущается какъ страшный ударъ науки, что онъ умеръ въ самомъ разгарѣ своихъ работъ, что онъ оставилъ только намѣченный длинный рядъ вопросовъ, которые, разумеется, будутъ еще освѣщены усиліями его послѣдователей, но которые, конечно, самъ Николай Сергѣевичъ обработалъ бы несравненно яснѣе, полнѣе и всестороннѣе, чѣмъ это въ состояніи сдѣлать кто-нибудь иной,—а главное, онъ сдѣлалъ бы при работѣ надъ конкретнымъ матеріаломъ

цѣлый рядъ дальнѣйшихъ теоретическихъ обобщеній.

Съ общою установкою Трубецкого связаны и его взгляды на исторію литературы. Въ этой области онъ напечаталъ немного. Сколько нибудь полно онъ высказалъ свои взгляды въ области исторіи русскаго стиха. Его лекціи по древней русской литературѣ (я читалъ онъ и новую) не изданы, и неизвѣстно, обработаны ли для печати. Его отдельные историко-литературные доклады (напримѣръ, въ «Пражскомъ лингвистическомъ кружкѣ», объединяющемъ по преимуществу сторонниковъ Трубецкого) стали доступны только сравнительно немногочисленнымъ слушателямъ; но кто ихъ слышалъ, можетъ себѣ представить размеры той потери, которую понесла наука исторіи русской литературы со смертью Трубецкого: каждый его докладъ давалъ съ поразительной четкостью совершенно новое освѣщеніе известнаго матеріала, освѣщеніе, которое само собою подводило слушателя къ цѣлому ряду дальнѣйшихъ обобщеній.

Форма работъ Трубецкого можетъ быть лучшимъ примѣромъ логичности мышленія. Мало есть работъ принципиальнаго характера въ мировой наукѣ, въ которыхъ все было бы сказано съ такой прозрачной ясностью. Самое обиліе примѣровъ имѣетъ особый характеръ: Трубецкой не высыпаетъ на голову читателя сотни примѣровъ, скорѣе ослѣпляющихъ, чѣмъ убѣждающихъ, — онъ ограничивается только необходимыми, примѣры взяты изъ самыхъ различныхъ областей, но ихъ ограниченное количество, и притомъ только несомнѣнныхъ примѣровъ, разъясненныхъ читателю до конца.

Для меня нѣтъ сомнѣнн, что взгляды школы Трубецкого еще найдутъ откликъ въ философской литературѣ (отчасти это уже и случилось: работы голландца По-са и вѣнскаго коллеги Трубецкого, Бюлера, по философіи и психологіи языка въ значительной части опираются на идеи Трубецкого). Идеи Трубецкого сочувствы весьма «современнымъ» теченіямъ: напр., феноменологіи или Gestaltpsychologie или гегельянству. При этомъ надо подчеркнуть, что Трубецкой «открылъ» эти философскія идеи совершенно самостоятельно, исходя изъ своей специальной научной работы.

Нѣтъ сомнѣнн, что вліяніе Трубецкого на мировую науку еще только начинается. Его вліяніе охватило не только его — сравнительно немногочисленныхъ — учениковъ, но и цѣлый рядъ его ровесниковъ, и старыхъ ученыхъ, многимъ старше возрастомъ сего Трубецкого. Это вліяніе выразится прежде всего въ продолженіи работы въ указанномъ Трубецкимъ направленіи: послѣдователи Трубецкого имѣются всюду.

въ славянскихъ странахъ, во Франціи и Англии, Голландіи и Германіи, въ Скандинавіи и Америкѣ, Венгріи и Румыніи. Нельзя забывать и того, что за Трубецкимъ пошли или къ нему примкнули, стали его союзниками и ученики, независимо отъ него приходившіе къ сходнымъ мыслямъ: не забудемъ о «формализмѣ» Виктора Шкловскаго (въ работахъ котораго, правда, соединяются гениальныя прозрѣнія съ «халтурою» — такой уже стиль у человека), родственномъ историколитературнымъ воззрѣніемъ Трубецкого, не забудемъ о языковѣдахъ, — о чешскомъ ягличѣ В. Матезіусѣ и о русскомъ славистѣ Р. Якобсонѣ. Существованіе «фонетогической школы» является гарантіей того, что вліяніе Трубецкого не ослабѣетъ: а врядь ли есть сейчасъ иная область науки, въ которой вліяніе русской — и вообще славянской — науки было бы такъ значительно, какъ въ языковѣдѣнн. И это заслуга покойнаго Николая Сергѣевича Трубецкого

Д. Чижевскій.